

МОЛОДАЯ ФИЛОЛОГИЯ

DOI 10.37386/2305-4077-2025-2-193-209

К. А. Землянская¹

Амурский государственный университет (Благовещенск, Россия)

ОБРАЗ КИТАЙСКОГО УЧИТЕЛЯ В РАССКАЗЕ ВЕНЕДИКТА МАРТА «ЧЕЛОВЕК С ШАРИКОМ»²

Образ китайского учителя в рассказе дальневосточного писателя Венедикта Марта «Человек с шариком» исследован в данной работе в контексте общественно-политических проблем 1920-х гг., волнующих китайское и советское общество, и этнокультурных, металитературных и собственно художественных установок писателя. Глубокое проникновение в китайское традиционное мышление, базовые универсалии китайского сознания и прекрасное знание китайской образовательной системы отражено Мартом в типичном эпизоде из будней китайской школы в преддверии бурных революционных событий. В. Март стремится не только художественно осмыслить вопросы китайского образования, поставить вопрос о необходимости его реформирования. Его рассказ – проекция в проблемы, волнующие и советское общество, а также попытка гармонизировать художественно-этнографические искания с новой социальной реальностью.

Ключевые слова: Венедикт Март, «Человек с шариком», художественная этнография, «Рассказы о Востоке», образ китайского учителя

K. A. Zemlyanskaya

Amur State University (Blagoveshchensk, Russia)

THE IMAGE OF A CHINESE TEACHER IN VENEDIKT MART'S STORY "THE MAN WITH THE BALLOON"

---

¹ Ксения Александровна Землянская – старший преподаватель кафедры литературы и мировой художественной культуры Амурского государственного университета (Благовещенск, Россия). E-mail: phlox@mail.ru.

² Публикация подготовлена в рамках научной темы Центра изучения дальневосточной эмиграции Амурского государственного университета «Культура и литература русского зарубежья, культура народов Дальнего Востока, художественная этнография Дальнего Востока».

The image of a Chinese teacher in the story “The Man with the Balloon” by the Far Eastern writer Venedikt Mart is studied in this work in the context of the socio-political problems of the 1920s, which worried Chinese and Soviet society, and the ethnocultural, metal literary and artistic attitudes of the writer. Mart’s deep insight into Chinese traditional thinking, the basic universals of Chinese consciousness, and excellent knowledge of the Chinese educational system are reflected in a typical episode from the daily life of a Chinese school on the eve of violent revolutionary events. V. Mart strives not only to artistically comprehend the issues of Chinese education, but also to raise the question of the need for its reform. His story is a projection into the problems that concern Soviet society, as well as an attempt to harmonize artistic and ethnographic searches with a new social reality.

Keywords: Venedikt Mart, “The Man with the Balloon”, artistic ethnography, “Tales of the East”, the image of a Chinese teacher

Введение

Отношение к учителю в Китае уходит корнями в глубокую древность. Эта профессия, как и само призвание, исторически особо почитались в Поднебесной. Китайская пословица гласит: «一日为师终身为父» (yí rì wèi shī zhōngshēn wèi fù) – «**Ставший учителем на один день станет твоим отцом на всю жизнь**»³. Конфуцианство наложило на восприятие учителя и его миссию в обществе особую – мессианскую – роль [Переломов, 2009, с. 372–375].

Несмотря на революционные трансформации, перевернувшие жизнь китайского общества в XX в., концепция учителя – духовного наставника и водителя в суровом жизненном море – осталась одной из универсалий китайского национального и этнического сознания.

Однако для этого китайскому обществу надо было пройти суровый путь переоценки традиционных ценностей и их возрождения. Одним из сложных этапов формирования основ сознания современных китайцев становится период после Синьхайской революции 1911 г., ознаменованный пересмотром конфуцианского учения, отказом от религиозных основ, на которых тысячами стояла Поднебесная. В эти годы «происходила постепенная трансформация самого понятия “образование”, конфуцианские каноны со временем были абсолютно искажены и подлажены под новые условия жизни, что абсолютно меняло идею Конфуция об образовании. Стало более отчетливо проявляться непонимание между учителем и учеником. Вместо развития природных талантов, о чем говорил Конфуций, учитель заставлял своих подопечных выучивать наизусть канонические тексты, абсолютно игнорируя интересы и способности каждого отдельного ученика. Ученики же зачастую восприни-

---

³ Выделено здесь и далее нами. – К.З.

мали образование не как культурное обогащение, а как путь к сдаче государственных экзаменов, и, как следствие, получение должности» [Барашкова, 2014, с. 83].

В литературе этот процесс находит отражение в произведениях писателей революционного толка – рассказах «Ностальгия» (1913), «Кунг Ицзи» (1919) Лу Синя, в повести «Мистер Пан в трудные времена» (1924) и рассказах «Директор школы» (1924), «Урок» (1922), «Горький рис» (1923) Е Шэнтао. Учитель, показанный Лу Синем в условиях уже свершившейся Синьхайской революции, совсем не готов меняться вместе с изменением общества. Он деспотично настроен по отношению к своим ученикам, совершенно не разбирается в том материале, который преподает детям. Статус учителя для героев Лу Синя несет лишь материальное благополучие и мнимое уважение окружающих. Вопросы педагогических тонкостей, проблемы воспитания, любви к детям совершенно не волнуют героев-учителей в рассказах Лу Синя. Произведения Е Шэнтао обращены к проблемам морально устаревшей, с точки зрения революционного сознания писателя, конфуцианской системы и необходимости демократизации образования. Диада «учитель–ученик» в рефлексии передовых писателей того времени стала проекцией остро стоящих перед обществом вопросов революционных преобразований.

Безусловно, все проблемы, волнующие китайское общество в эти десятилетия, находят сочувственный отклик в литературе послереволюционной России и затем страны Советов (например, «Чжунго: очерки о Китае» (1927) С. Третьякова, «Мои китайские дневники» (1928) Н. К. Костарёва, «В стране генералов и кули» (1930) Я. М. Окунева и др.). В конце 1920-х гг. советский писатель Венедикт Март, имеющий в советской литературе репутацию знатока Востока, пишет рассказ «Человек с шариком», где создает образ китайского учителя Чжао Лина.

Венедикт Март (настоящее имя – Венедикт Николаевич Матвеев) (1896–1937) – дальневосточный писатель и поэт, сын знаменитого во Владивостоке краеведа и журналиста, поэта Николая Петровича Матвеева. Писатель жил в то время, когда происходила смена исторических эпох, культурных и образовательных парадигм. Начальный период творчества писателя приходится на 1910-е гг. Он живет во Владивостоке, испытывает влияние популярных там в ту пору футуристов и имажинистов. Осенью 1920 г. он на три года вместе с семьей перебирается в эмигрантский Харбин. В 1923 г. он возвращается в Советский Союз, печатается в многочисленных изданиях. Публикует множество рассказов на восточную тематику [Забияко, 2016].

На сегодняшний день творчество Венедикта Марта еще недостаточно исследовано, многие произведения до сих пор не найдены в российских и иностранных архивах, многие из них утрачены навсегда.

Методология и методы исследования. Исследование опирается на культурно-исторический, сравнительно-типологический, имманентного анализа текста методы.

Результаты исследования и их обсуждение

Рассказ «Человек с шариком» Венедикта Марта никогда не был опубликован, точная дата его написания также неизвестна. Этот рассказ был включен писателем в сборник «Рассказы о Востоке» [Забияко, Землянская, 2021]. Рукопись сборника хранится в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ) в Москве в виде машинописи. Сборник (очевидно, в начале 1930-х гг., так как в 1937 г. Марта уже арестовали) был отвергнут редакцией Государственного издательства художественной литературы. В исторических условиях конца 1920 – начала 30-х гг. публикация рассказов сборника, повествующих о событиях китайской революции 1925–1927 гг. и определенных неудачах советской политики на Востоке, была не только не актуальна, но даже опасна для руководства ведущего государственного издательства.

«Человек с шариком» имеет подзаголовок: «Китайский рассказ». В центре повествования – фигура Чжао Лина, начетчика и опиумного наркомана, мучающего детей в школе, в финале рассказа ставшего предателем и карателем своих односельчан.

Писатель владел разговорным китайским языком, несколько лет прожил в Харбине, работал журналистом во всех харбинских газетах, интересовался бытовой жизнью простого китайского человека. Переехав в СССР из центра восточного зарубежья, окунулся с энтузиазмом в бурлящую литературную жизнь новорожденного социалистического государства. В 1920-е гг. советская литература не только приветствовала и вбирала разнообразные новации в области материи стиха и прозы – нужны были новые темы, новые сюжеты. Обращение к образу Востока и литературам стран Востока – Ближнего и Дальнего – воспринималось деятелями культуры как первоочередная задача. Говоря словами академика С. Ф. Ольденбурга (1863–1934), «новый Восток полон тоже великих возможностей, заветы старого не умерли в нём, но он должен претворить их в новые образы, дать новые достижения»

[Ольденбург, 1922, с. 6]. И революционный Китай стал одним из источников пополнения читательской копилки советского строителя коммунизма. В этот период произведения Лу Синя, Е Шэнтао, Мао Дуня, Ба Цзиня и других активно переводятся, публикуются и издаются в СССР большими тиражами. Перевод сборника Лу Синя «Подлинная история А-Кью», сделанный Б. А. Васильевым в 1925 г. при посредничестве самого Лу Синя [Шэ Сяолин, Ли Мэнъя, 2022], куда вошел рассказ «Кунг Ицзи», был опубликован в 1929 г. Рассказы Е Шэнтао стали публиковаться немного позднее, особенно популярным в СССР автор стал в 1950-е гг. [Шэ Сяолин, Вэнь Цзянь, 2021].

Нам неизвестно, читал ли Венедикт Март рассказ Лу Синя и весьма сомнительно, чтобы он мог знать о рассказах Е Шэнтао – если только в круг его общения не входили китаеведы-переводчики и он мог ознакомиться с переводами в рукописи. Ясно одно – в его «китайском рассказе» «Человек с шариком» можно обнаружить типологически близкие писателям революционной Поднебесной идеи и темы, обращенные в том числе к проблемам образования и необходимости его реформирования.

Главный герой рассказа, Чжао Лин – учитель в сельской китайской школе: *«Чжао – неудавшийся мандарин. Он сдал экзамен в клетке на первую ученую степень – “утонченной способности”, ревностно изучая древних классиков. Вторую степень “избранного человека” он достиг уже не ревностными занятиями, а денежным подкупом экзаменаторов. На третью ступень “будущего ученого” и тем более на последнюю – четвертую “члена Пекинской Академии” – у него не хватило ни знаний, ни денег. С дымом опиума рассеялась слава и карьера ученого...»* [Март, с. 72]⁴.

Из этой интродукции мы узнаем не о самом Чжао Лине как человеке – перед нами некая функция, винтик в китайской системе чиновничьей иерархии. Исторически, как подчеркивают многие исследователи, эта система зиждилась на конфуцианской модели устройства государства и узаконенном взяточничестве [Переломов, 2009, с. 473–477].

Знаковыми мазками-детальями Март характеризует и сложившуюся за века китайскую систему образования: *«Вся жизнь Чжао Лина вложена в бессчетные иероглифы – пестрящие знаки, начертанные десятки веков*

---

⁴ Текст произведений В. Марта цитируется по: **Март, В.** Рассказы о Востоке / В. Март // РГАЛИ. – Ф. 613. – Оп. 1. – Д. 7053. – 93 с. Далее при цитировании указывается номер страницы в круглых скобках после цитаты.

назад мудрым Конфуцием и его учениками. <...> В школе учитель свято соблюдал древние традиции. Он никогда не улыбался в присутствии учеников и никогда не сказал ни одного ласкового слова ученику. Проявление радости, добрых человеческих чувств, в присутствии учеников, считалось недопустимым для учителя: такая “слабость” нарушила бы обычаи старого времени» (с. 73).

Мы видим, что Март досконально знаком не только с установлениями системы образования, но и поведенческими моделями учителей. Очевидно, что ему абсолютно не импонирует косная, лишённая нового знания и свежего воздуха, атмосфера китайской школы. Напротив, Чжао Лину только такая жизнь представляется наиболее понятной: *«За продолговатыми небольшими столами на высоких стульях в неудобных позах весь день сутулились дети. И перед ними всегда на одном и том же месте, за особым столом, сидел Чжао Лин. <...> С 8-ми летнего возраста учитель пичкал ребят скучными, непонятными им иероглифами древнего “Троеслова”⁵.*

– “Люди рождаются на свет с доброй душой”, – начинал ребенок, не зная смысла слов, а изучая их лишь начертание и произношение. Дети должны были знать наизусть догмы философов, непонятные взрослым...

Во время занятий школа представляла шумный рой человеческих существ. Все до одного школьники вслух, нараспев, разными голосами жужжали иероглифы, вызубривая мертвые уроки...» (с. 73–74).

Сам Март вырос в абсолютно иной атмосфере. Семейная среда с постоянным круговоротом интересных гостей – писателей, востоковедов, политических деятелей, литературные чтения в домашнем кругу, выпуск газеты, интерес к иным культурам и языкам, народнические настроения отца – все это формировало разносторонний кругозор будущего писателя, его открытость новому, свободу творчества.

В отличие остальных рассказов на китайскую тему, где героями выступают простые китайские рабочие/крестьяне, готовые бороться с китайскими

---

⁵ Троеслов (Троесловие) – «Саньзыцзин» дословно переводится как «Канон трёх иероглифов», каждая строчка в нём состоит из трёх иероглифов; был написан более 700 лет назад, во времена династии Южная Сун (1127–1229 гг.) Точных данных о его авторе нет. Книга содержит в себе базовые знания о временах года, астрономии, этике, добродетели, истории, философии, человеческих качествах и взаимоотношениях и считается детской классикой Китая.

генералами, иностранными захватчиками и просто с любым персонифицированным злом, в «Человеке с шариком» Март фокусирует свое внимание на отрицательном персонаже. Но это отнюдь не противоречит всей идейно-образной системе сборника, где ведущей становится идея борьбы простого народа против власти эксплуататоров.

Именно такой образ учителя отразил китайские реалии в области образовательной системы, требующие незамедлительных перемен. Школа, по мысли китайских просветителей той поры (Лу Синя, Мао Дуня, Бо Цзиня), становится наиболее ярким свидетельством загнивающей феодальной системы. Престижная профессия учителя выбирается Чжао Лином как удобное место, где можно переждать тяжелые в материальном и политическом плане времена, в школе он находит возможность реализовать все присущие ему отрицательные стороны натуры.

Чжао Лин активно применяет палочную систему обучения, при любом случае пытается утвердить свою власть перед безропотным учеником: *«Школа, где безраздельно властвовал Чжао, стояла в центре разбросанной деревни. <...> И в полной власти этого фуляра из мертвецкой древности – 200 пытливых детей <...> <в школе> коверкались детские души письменами на мертвецкой древности»* (с. 72–73).

Кто же является положительным персонажем в этом мрачном рассказе? Конечно, революционеры, которые смещают Чжао Лина с почетной и уважаемой должности учителя. Именно они – провозвестники положительных изменений в китайской деревенской школе, от них дети узнают о «далекой красной стране СССР»: *«Злой учитель ушел вместе с палкой и никому не нужной наукой навсегда. Я и вот эта девушка будем учить вас по-новому. Мы расскажем вам о других странах, о которых толком не знал и сам ваш старый учитель. Мы научим вас любить и понимать природу и тому – как улучшить ваш сельский труд» <...> Ребята теснее придвигались к баньяну, из-за зеленых ветвей которого падали новые неслышимые слова. Слушатели широко открыли рты, словно слова входили в них через эти разинутые рты...*

Сан-вэ рассказывал ребятам в простых словах о великих событиях революции, о заветах Сунь Ятсена, о далекой красной стране СССР» (с. 77).

Рассказ пишется в годы, когда в Советской России идут острые дискуссии о новациях в школьном образовании. Многое (если не все) из дореволюционной системы признается вредным и вымороченным. С самых первых

лет существования советского государства издается ряд документов, направленных на реформирование подхода к образованию и воспитанию будущего строителя коммунизма: Декрет ВЦИК и СНК «Об учреждении государственной комиссии по просвещению» (9 ноября 1917 г.), Постановление Правительственного комиссариата по просвещению «О реформе средней школы» (30 ноября 1917 г.), «Положение о единой трудовой школе Российской Социалистической Федеративной Советской Республики» (30 сентября 1918 г.) и «Основные принципы единой трудовой школы» (16 октября 1918 г.). Несмотря на то, что к 1930-м гг. в образовательной сфере побеждает консервативная линия, 1920-е гг. отмечены доминированием радикальных устремлений к эксперименту и новациям, поощрению индивидуального начала [Кошкина, Ядренникова, 2021; Шевелёв, 2018].

На начало 1930-х гг. приходится и публикация первых глав «Педагогической поэмы» А. С. Макаренко, которая поставила перед советским обществом ряд злободневных и сложных воспитательных и образовательных проблем: как должны выстраиваться отношения личности и коллектива, педагога и ученика, где проходят грани дозволенного и недозволенного в диаде «учитель-ученик», нужно ли наказывать ребенка, насколько может быть возможна степень доверия между педагогом и воспитанником. Читал ли это произведение Март, нам неизвестно – первая часть книги увидела свет только в 1933 г. в альманахе «Год XVII». Однако, как и в случае с произведениями китайских революционных писателей, важнее проследить типологию идейно-тематического наполнения произведения А. С. Макаренко и В. Марта.

Вспомним – в самом начале «Педагогической поэмы» рассказчик осознает остро назревшую необходимость воспитания нового человека: *«Для тебя бы это самое: построить новое здание, новые парты поставить, ты бы тогда занимался. Не в зданиях, брат, дело, важно нового человека воспитать, а вы, педагоги, саботируете все: здание не такое и столы не такие. Нету у вас этого самого вот... огня, знаешь, такого, – революционного. <...> Значит, нужно нового человека по-новому делать»* [Макаренко, 1935, с. 5–6]. Эту метафору Макаренко Март в своем рассказе реализует: лучшими учителями для нового человека постфеодалного Китая становятся китайские революционеры, которые провозглашают смену образовательной парадигмы, разворот от знаниевой образовательной системы феодалного Китая к человекоориентированным, природосообразным принципам образования современного уже постфеодалного Китая.

После первых воспитательных неудач герой Макаренко поймет, что система наказаний в новой образовательной системе не принесет результатов, она ломает как ученика, так и учителя. Отношения учителя и ученика, с точки зрения Макаренко, в новое время должны стать отношениями друзей разного возраста. Система наказаний в школьном обучении должна уйти в прошлое, она уродует растущую душу, не растя человека, устремленного к борьбе и свободе. В деле воспитания нового человека нужно ориентироваться не на сухую теорию, а на природную склонность ученика, его природное любопытство и наблюдательность: *«в моих руках никакой науки нет и никакой теории нет, что теорию нужно извлечь из всей суммы реальных явлений, происходящих на моих глазах»* [Макаренко, 1935, с. 17]. Март солидарен с Макаренко, что палкой нового человека не воспитать. В рассказе Марта также прослеживается мысль, что через воспитание детей можно воспитать/изменить сознание и их родителей – таков путь к свободе, по мнению новых учителей.

В «китайском рассказе» Марта новые учителя-революционеры не загоняют детей в душные классы, а приводят их под развесистый баньян. Они следуют не косной традиции, а лишь природной склонности учеников.

Сжатое художественное пространство рассказа сконцентрировало в себе критику старого строя, надежду на революционные изменения и признание невозможности этих изменений в тогдашней исторической ситуации Китая. Связующим элементом этих идей для писателя становится образ учителя Чжао Лина.

Для создания образа Чжао Лина Март использует разнообразные художественные приемы. Детали портрета Чжао Лина передаются при помощи тероморфных аналогий: *«Бесстрастный, медлительный, уверенный. Казалось, вся его душа ушла в змеевидные руки, вернее, на кончики тонких длинных пальчиков»* (с. 71), – описание внешнего облика содержит скрытое сравнение со змеей или готовящимся к нападению другим змеевидным чудовищем.

В каждой портретной характеристике персонажа сквозит отрицательное авторское отношение к нему: змеевидные руки, кончики тонких длинных пальчиков, выхолненные руки, пряткие пальцы, «судорожно, злорадно <...> вертели шарик». У Чжао Лина длинные ногти на мизинцах, скрытые для сохранности металлическими колпачками: *«На мизинцах обеих рук – большие ногти – винтами, под металлическими колпачками: не обломать»* (с. 71). В Китае у представителей аристократии существовала традиция отращивать длинные ногти на руках. Кто-то отращивал только ноготь на мизинце. Белые длинные

ногти являлись признаком богатого человека, чьи руки не осквернены земледельческим трудом. П. Я. Пясецкий подмечал, что колпачки на мизинцах богатые китайцы носили «больше из подражания моде или чтобы заставить думать, что под ними сохраняются весьма длинные ногти, считающиеся признаком аристократизма, на том основании, что, следовательно, человек может жить не от труда рук своих» [Пясецкий, 1880, с. 280]. Предметный мир персонажа – наиболее действенный способ гротескного изображения. Для Чжао Лина длинные ногти на мизинцах – лишь внешняя примета его «аристократизма», как и шарик, и странного назначения флейта.

Уже в названии рассказа писатель отказывает персонажу в имени – для него это просто знак – «человек с шариком», воплощение привычной для многих привычки китайцев упражняться с шарами-баодин (保定球, bao ding qiú). Как известно, люди военные использовали их как средство укрепления силы и ловкости, императоры для достижения долголетия и просветления разума, подданные – для увеличения энергетического потенциала [Уильямс, 2004]. Для чего нужен шарик Чжао Лину? Его постоянные упражнения с шариком – лишь имитация действий «совершенного мужа». Однако шарик становится внешним атрибутом и внутренних эмоций персонажа. Движения шарика между пальцев Чжао Лина становятся показателем внутренних переживаний героя: в начале рассказа «Чжао Лин вечно крутит маленький шарик», в момент свержения его с должности учителя шарик «быстро, быстро прыгал в нервных пальцах», а в конце рассказа, когда Чжао Лин нашел опору в фанатично настроенной озлобленной толпе, он «судорожно, злорадно вертел таинственный шарик в трех пальцах».

Танцующий между пальцами шарик – это и символический образ «старого знания» (в трактовке Лу Синя) феодального Китая, к которому по традиции обращается раз за разом Чжао Лин, когда учит своих учеников. Это отполированное веками бесполезное знание, которое не затрагивает глубин познания.

Чтобы сделать понятным тщетность такого рода умственных упражнений, Март прибегает к русской шуточной поговорке, обозначающей «не совсем нормального человека»:

«Деревенский кузнец говаривал:

– У Чжао Лина – одного шарика в голове не хватает, как раз того самого, который у него промеж пальцев без толку болтается»... (с. 71).

В эпизоде, когда молодые революционеры выгоняют Чжао Лина из школы, шарик наконец выпадает из его рук: *«Чжао выкатил глаза под лоб и даже выронил шарик от столь неожиданной дерзости, оскорбляющей память Конфуция»* (с. 76). Старое знание, готовые схемы на все случаи жизни из старых канонических текстов не могут подсказать герою правильного ответа в новых реалиях.

Таким же атрибутом внешнего проявления устаревших аристократических устремлений, которым должен соответствовать образованный человек, является наличие у Чжао Лина флейты: *«Если вечером мы проходили мимо школы, было слышно, как Чжао Лин жалобно играл на флейте, которой бил нас», – рассказывал 13-ти летний Сяо-дзы: “И мой отец – деревенский кузнец говорил, что флейта так жалобно играет, потому что в ней наши слезы и обиды”»* (с. 77–78).

Речь также становится одной из характеристик «человека с шариком». На всем протяжении рассказа уста героя изрекают лишь две реплики, но они никогда не являются частью диалогической речи. Первый случай, когда читатель слышит голос Чжао Лина, относится к ситуации высокомерного пояснения крестьянину своей странной привычки постоянно вертеть между пальцами деревянный отполированный шарик: *«Видите ли, сударь, мои пальцы не должны отвыкнуть держать кисть, чтобы выводить иероглифы по всем правилам древнего письма... Вот почему я тренирую их в свободную минуту этим шариком»* (с. 71).

Второй раз персонаж заговорит уже в самом финале рассказа, когда будет произносить религиозную проповедь перед фанатиками из тайного ордена «Белых пик»: *«Так повелевают Духи усопших великих учителей и Конфуция»* (с. 80). В обоих случаях речь героя не индивидуализирована, это декламация известных фраз, вычитанных им из старых книг. Отсутствие собственной речи у Чжао Лина должно подчеркнуть мертвенность отживших идей феодального общества. В отличие от Чжао Лина, остальные герои рассказа говорят много, часто провозглашают лозунги в лучших традициях советской литературы.

Если внешне этот персонаж еще жив, то внутри он давно мертв: *<...> «Затейливые письма мертвецов и пьяный сок красного мака – опиум, без которого и дня не обходился Чжао Лин – высушили все живое в нем, спрессовали мысли в сухие книжные формулы, вытравили страсти»* (с. 71–72).

В китайской традиции обращения принято уважительно именовать учителя по роду занятий, либо добавлять к упоминанию профессии фамилию.

Ни разу в рассказе Чжао Лин не упомянут как «учитель Чжао», лишь дается авторская ремарка о том, что учителем тот стал, зная «удобный» для него обычай, распространенный в Китае: *«всякий оседлый школьный учитель должен приютить и накормить бродячего собрата, Чжао жил за счет этой хлебной традиции; он из года в год существовал на шее бедных учителей, блуждая из деревни в деревню по необъятной провинции»* (с. 72).

Если в персонификации профессии Чжао Лину отказано, то обезличенный устойчивый эпитет «злой учитель» лишь подчеркивает это отношение, становится нарицательным. Чжао Лин – олицетворение всей уходящей в прошлое феодальной системы образования: *«Молодые товарищи», – начал Сан-вэ, – мы только что уволили вашего злого учителя, в школьном плену у которого томились вы... Ваш учитель учил вас никому не нужным книгам и иероглифам, непонятным вам. Он бил вас бамбуковой палкой, когда хотел... Злой учитель ушел вместе с палкой и никому не нужной наукой навсегда»* (с. 77).

В гневных обвинениях Чжао Лину – обвинение всей палочной системе китайского образования: *«Секции народного образования исполкома крестьянского союза отлично известно, кто вы и как вы уродуете детей вашими методами обучения и бамбуковой палкой...»* (с. 76).

Чжао Лин готов властвовать только тогда, когда понимает, что его противник слабее его. Когда пришли революционеры в лице молодого юноши и девушки с официальной бумагой в руке, он тушется и ретируется. Но с течением времени Чжао Лин понимает, где можно применить свою жажду власти и жестокости – и вступает в союз «Белых пик», выступивших врагом революции. Имея за спиной отряд вооруженных собратьев, он возвращается в деревню, чтобы осуществить личную месть. Для участников тайной военной секты «Белых пик»⁶ Чжао Лин становится «посвященным учителем». В новых обстоятельствах наш герой превращается в религиозного проповедника. Для фанатиков отряда «Белых пик» выученные речи Чжао Лина становятся наставлением к действию, потому они по первому же его велению фанатично мчатся в деревню, чтобы насадить голову революционного учителя на пику.

---

⁶ В 1920-е гг. в Китае в условиях политического хаоса в стране, постоянной борьбы с милитаризмом, голодом и грабежом деревенского населения создавались многочисленные вооруженные организации, соединяющие в себе черты легального деревенского ополчения и тайной религиозной организации. Они создавались, чтобы защитить деревенское население от грабежей и произвола. Название они получали по цвету шерстяной кисточки на пике [Костяева, 1995].

Образ Чжао Лина у Марта, конечно, напоминает персонажа Беликова из рассказа «Человек в футляре» А. П. Чехова, на что прямо указывает сам автор [Забяико, Землянская, 2021, с. 14–15]. И тот, и другой могут говорить только чужим языком, языком из прошлого. Беликов преподаёт греческий («*О, как звучен, как прекрасен греческий язык!*» [Чехов, 1984, с. 4]), Чжао Лин существует в древних иероглифах канонических трактатов («*К 40 годам он – футляр набитый десятком тысяч иероглифов, изречениями 5-ти книжся, прямыми и ломанными линиями древних гаданий, затхлыми одами в честь удельных князей, догмами истлевших учений*») (с. 72). Только чеховская «футлярность» Беликова в большей мере носит психологический характер («*выходил в калошах и с зонтиком и непременно в теплом пальто на вате. И зонтик у него был в чехле, и часы в чехле из серой замши, и когда вынимал перочинный нож, чтобы очинить карандаш, то и нож у него был в чехольчике; и лицо, казалось, тоже было в чехле, так как он всё время прятал его в поднятый воротник*» [Чехов, 1984, с. 4]). У Марта сам Чжао Лин – это футляр для пережитков прошлого, того, что должно остаться в веках феодального Китая, уничтоженного Синьхайской революцией и демократическими переменами 1920-х гг.

На наш взгляд, литературные переклички Марта в данном случае имеют довольно причудливый рельеф: это словно ответ Лу Синю, открывшему для себя Чехова и написавшему по его следам свои рассказы. Известно, что герои русской классики в осмыслении прозы «Левого крыла» обрели резко выраженные черты социальных типов [Забяико, Сенина, 2025]. «Человек в футляре» на китайской почве превращается в монстра, чью природу возможно постичь, только глубоко понимая чужую инокультурную традицию. Так художественная этнография в интерпретации Марта становится действенным способом выстраивания новых этносоциальных и этнокультурных связей.

Заключение

«Китайский рассказ» «Человек с шариком» Венедикта Марта стал многослойным отражением самых разнообразных социополитических, этнокультурных, металитературных и собственно художественных установок писателя в конце 1920-х гг., типологически близких и советским, и китайским раздумьям писателей о воспитании нового человека и революции в сознании учителя и ученика. Тонко чувствующий эпоху, при этом вобравший в свою художественную систему многие традиции и новации русской литературы, Март не боится простроить в этом тексте самые мрачные сценарии исхода революционных брожений в Китае. И причины тому он видит как в универсальной природе обыденного зла (отсюда аналогии с Чеховым), так и в косности

и глубинной укорененности в этнической картине мира китайца тяги к схоластике иерархичности сознания. В этом отношении вполне вероятно, что советские новации тех лет, обращенные к развитию индивидуальности и творческих способностей ребят, весьма импонировали демократически настроенному Марту. Он выбрал типичный случай, ни на толику не соврав в изображении будней китайской школы и отношения учителей к своим подопечным и к своей миссии. Советский читатель, прочитав этот рассказ, должен был прочувствовать правду тех, кто стоял на стороне социалистических преобразований в Китае. Другое дело – насколько правдивым был посыл в изображении противостоящим китайским революционерам сил Гоминьдана.

То, что рассказ в едином целом с остальными «Рассказами о Востоке» не дошел до советского читателя, вполне объяснимо – не укладывался Март в прокрустово ложе сиюминутной смены политических ориентаций советского государства тех лет, слишком сложными были его аллюзии на архетипы русской литературы. Вполне возможно, что чуткое ухо рецензентов и редакторов уловило уже тяжкие шаги наступающей после расцвета либеральных свобод середины 20-х гг. реакции, возвращающей все начинания к консервативной точке отсчета.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Барашкова, Д. С.** Образ учителя в произведениях китайской литературы XX века (на примерах произведений Мо Яня и Е Шэнтао) / Д. С. Барашкова // *Личность, творчество, образование в социокультурном пространстве Дальнего Востока России*. – Хабаровск: Хабаровский государственный институт искусств и культуры, 2014. – С. 80–83.
2. **Забияко, А. А.** «Рассказы о Востоке» в контексте художественной этнографии В. Марта советского периода / А. А. Забияко, К. А. Землянская // *Гуманитарный вектор*. – 2021. – Т. 16. – № 4. – С. 8–17.
3. **Забияко, А. А.** Русские и китайцы: образы взаимного восприятия в литературе / А. А. Забияко, Е. В. Сенина. – Москва: Издательский дом ВКН, 2025. – 448 с.
4. **Забияко, А. А.** От мистики Востока к литературе факта (Венедикт Март) / А. А. Забияко // *Ментальность дальневосточного фронта: культура и литература русского Харбина* / А. А. Забияко. – Новосибирск: Изд-во Сибирского отделения Российской академии наук, 2016. – С. 283–307.
5. **Костяева, А. С.** Тайные общества Китая в первой четверти XX века / А. С. Костяева. – Москва: Восточная литература, 1995. – 240 с.

6. **Кошкина, Е. А.** Подходы к реформированию советской школы в условиях конфликта образовательных стратегий 20-х – 30-х гг. XX века / Е. А. Кошкина, С. В. Ядренникова // Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта. – 2021. – № 3(193). – С. 221–227.

7. **Макаренко, А. С.** Педагогическая поэма / А. С. Макаренко. – Москва: Гослитиздат, 1935. – 512 с.

8. **Март, В.** Рассказы о Востоке / В. Март // РГАЛИ. – Ф. 613. – Оп. 1. – Д. 7053. – 93 с.

9. **Ольденбург, С. Ф.** Вступительная статья // Восток. Журнал литературы, науки и искусства. – Петербург: Всемирная литература, 1922. – Кн. 1. – С. 3–6.

10. **Переломов, Л. С.** Конфуций и конфуцианство с древности по настоящее время (V в. до н.э. – XXI в) / Л. С. Переломов. – Москва: Стилсервис, 2009. – 704 с.

11. **Пясецкий, П. Я.** Путешествие по Китаю в 1874–1875 гг. (через Сибирь, Монголию, Восточный, Средний и Северо-Западный Китай): в 2 т. Т. 1 / П. Я. Пясецкий. – Санкт-Петербург: Типография М. Стасюлевича, 1880. – 560 с.

12. **Уильямс, А.** Полная книга о китайских шариках здоровья. История их возникновения / А. Уильямс. – Москва: Диля, 2004. – 112 с.

13. **Чехов, А. П.** Случай из практики. Рассказы / А. П. Чехов. – Москва: Детская литература, 1984. – 47 с.

14. **Шевелёв, В. Ю.** Идеальный образ учителя в отечественной педагогике 1920-х годов / В. Ю. Шевелёв // Образование как фактор развития интеллектуально-нравственного потенциала личности и современного общества: материалы VIII международной научной конференции / Отв. ред. М. И. Морозова. – Санкт-Петербург: Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, 2018. – С. 115–118.

15. **Шэ Сяолин.** Об истории перевода на русский язык новой китайской литературы в 1920–1930 гг. / Шэ Сяолин, Ли Мэньтя // Неофилология. – 2022. – Т. 8. – № 3. – С. 559–570.

16. **Шэ Сяолин.** Современная китайская художественная проза (1919–1949) в России: ранний перевод, издание и изучение / Шэ Сяолин, Вэнь Цзянь // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Востоковедение и африканистика. – 2021. – Т. 13. – № 1. – С. 4–18.

REFERENCES

1. **Barashkova, D. S.** *Образ учителя в произведениях китайской литературы HKH века (на примерах произведений Mo Yanya i E Shentao) / D. S. Barashkova // Личност', творчество, образование в социокультурном пространстве Дальнего Востока России. – Хабаровск: Хабаровский государственный институт искусств и культуры, 2014. – С. 80–83.*
2. **Chekhov, A. P.** *Случай из практики. Рассказы / A. P. Chekhov. – Москва: Детская литература, 1984. – 47 с.*
3. **Koshkina, E. A.** *Подходы к реформированию советской школы в условиях конфликта образовательных стратегий 20-х – 30-х гг. XX века / E. A. Koshkina, S. V. Yadrennikova // Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта. – 2021. – № 3(193). – С. 221–227.*
4. **Kostyaeva, A. S.** *Тайные общества Китая в первой четверти XX века / A. S. Kostyaeva. – Москва: Восточная литература, 1995. – 240 с.*
5. **Makarenko, A. S.** *Педагогическая поэма / A. S. Makarenko. – Москва: Гослитиздат, 1935. – 512 с.*
6. **Mart, V.** *Рассказы о Востоке / V. Mart // RGALI. – Ф. 613. – Оп. 1. – Д. 7053. – 93 с.*
7. **Ol'denburg, C. F.** *Вступительная статья // Восток. Журнал литературы, науки и искусства. – Петербург: Всесмирная литература, 1922. – Kn. 1. – С. 3–6.*
8. **Perelomov, L. S.** *Конфуций и конфуцианство с древности по настоящее время (V в. до н.э. – XXI в) / L. S. Perelomov. – Москва: Stilservis, 2009. – 704 с.*
9. **Pyaseckij, P. Ya.** *Путешествие по Китаю в 1874–1875 гг. (через Сибирь, Монголию, Восточный, Средний и Северо-Западный Китай): в 2 т. Т. 1 / P. Ya. Pyaseckij. – Санкт-Петербург: Типография М. Стасюлевича, 1880. – 560 с.*
10. **Uil'yams, A.** *Полная книга о китайских шариках здоровья. История их возникновения / A. Uil'yams. – Москва: Дилья, 2004. – 112 с.*
11. **Shevelyov, V. Yu.** *Идеальный образ учителя в отечественной педагогике 1920-х годов / V. Yu. Shevelyov // Образование как фактор развития интеллектуально-нравственного потенциала личности и современного общества: материалы VIII международного научной конференции / Отв. ред. М. И. Морозова. – Санкт-Петербург: Лeningradский государственный университет имени А. С. Пушкина, 2018. – С. 115–118.*
12. **She Syaolin.** *Об истории перевода на русский язык новой китайской литературы в 1920–1930 гг. / She Syaolin, Li Men'ya // Нефилология. – 2022. – Т. 8. – № 3. – С. 559–570.*

13. **She Syaolin.** Sovremennaya kitajskaya hudozhestvennaya proza (1919–1949) v Rossii: rannij perevod, izdanie i izuchenie / She Syaolin, Ven' Czyan' // Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. Vostokovedenie i afrikanistika. – 2021. – T. 13. – № 1. – S. 4–18.

14. **Zabiyako, A. A.** «Rasskazy o Vostoke» v kontekste hudozhestvennoj etnografii V. Marta sovetskogo perioda / A. A. Zabiyako, K. A. Zemlyanskaya // Gumanitarnyj vektor. – 2021. – T. 16. – № 4. – S. 8–17.

15. **Zabiyako, A. A.** Russkie i kitajcy: obrazy vzaimnogo vospriyatiya v literature / A. A. Zabiyako, E. V. Senina. – Moskva: Izdatel'skij dom VKN, 2025. – 448 s.

16. **Zabiyako, A. A.** Ot mistiki Vostoka k literature fakta (Venedikt Mart) / A. A. Zabiyako // Mental'nost' dal'nevostochnogo frontira: kul'tura i literatura russkogo Harbina / A. A. Zabiyako. – Novosibirsk: Izd-vo Sibirskogo otdeleniya Rossijskoj akademii nauk, 2016. – S. 283–307.